

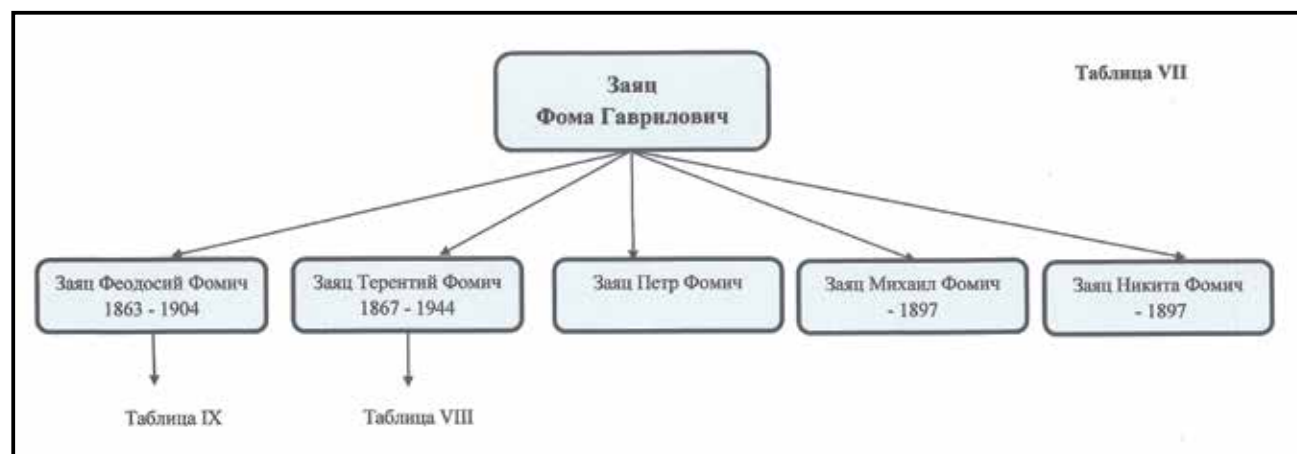
Деревня Проходы. Зайцы.

Мой дедушка, Иван Феодосьевич Феодосьев, родился в деревне Проходы, вблизи города Каменец в Белоруссии. Так до сих пор и осталась маленьким населенным пунктом; только на самой подробной карте можно что-то увидеть. Но все же неподалеку обозначены близлежащие деревни – Войсковая, Огородники, и они как бы служат мне ориентиром.

Фамилия его отца и его самого от рождения была Заяц, а по некоторым бумагам – Зайчук. Как вспоминал папа, дед и его брат Василий сменили фамилию в 1914 году на Феодосьев, в честь своего отца, Феодосия – чтобы избавиться от путаницы. Кстати, с этой новой фамилией тоже всегда бывала путаница – ее писали то Феодосьев, то Феодосеев, то еще как-то... Так что если они хотели избавиться от путаницы

Фома Заяц и его сыновья

Дом в Проходах, где родился мой дед, Иван. У колодца - его мать, Мария Андреевна Заяц. 1913 год.

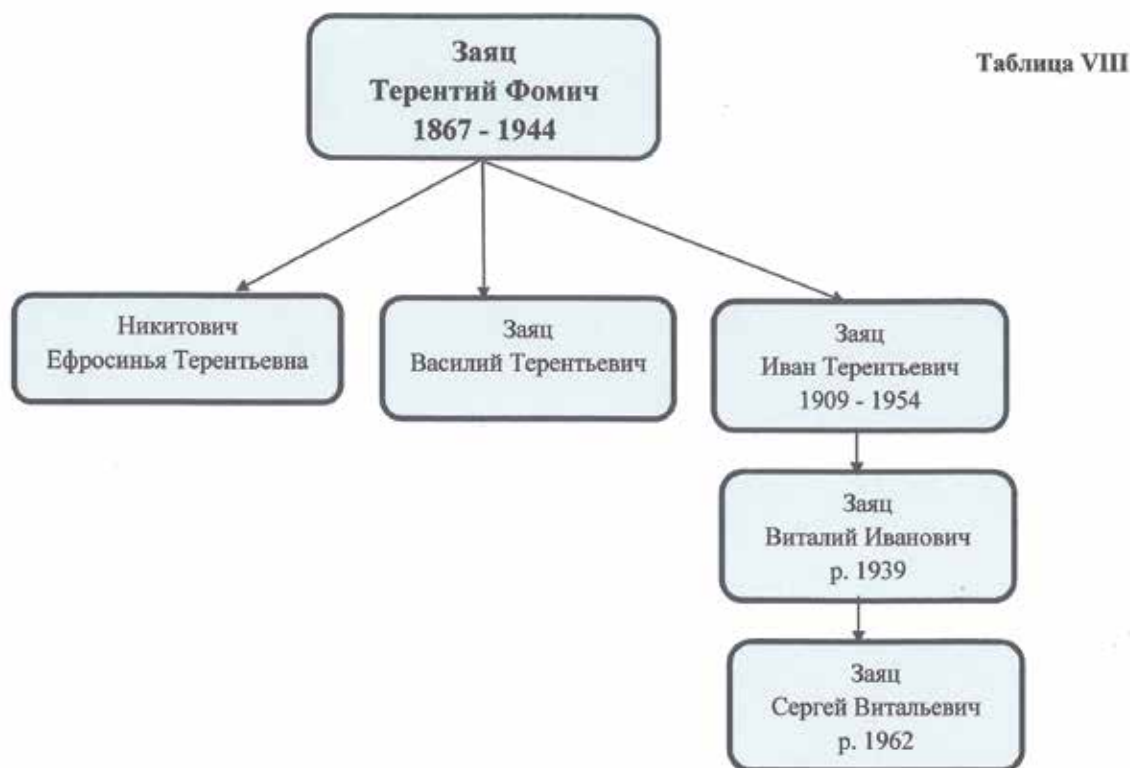
в документах, то полностью от нее все же не избавились. А попросту, возможно, хотелось иметь фамилию более благозвучную. Хотя в свои и детство, и юность, я почему-то фамилии стеснялась. Хотя – Заяц было бы наверняка хуже.

Дед и прадед моего деда были еще крепостными у пана Прилуцкого. Прадеда звали

Мельница, которую построил Феодосий Заяц. У мельницы - Павел Феодосьевич Заяц. 1913 год.

Терентий Заяц и его потомки

Слева: Терентий Фомич Заяц с женой Матреной Федоровной. На руках Матрены - сын Иван. д.Проходы, 1913 г.

Справа: Терентий Фомич и Матрена Федоровна с сыном Иваном. Польша, ок. 1928 г.

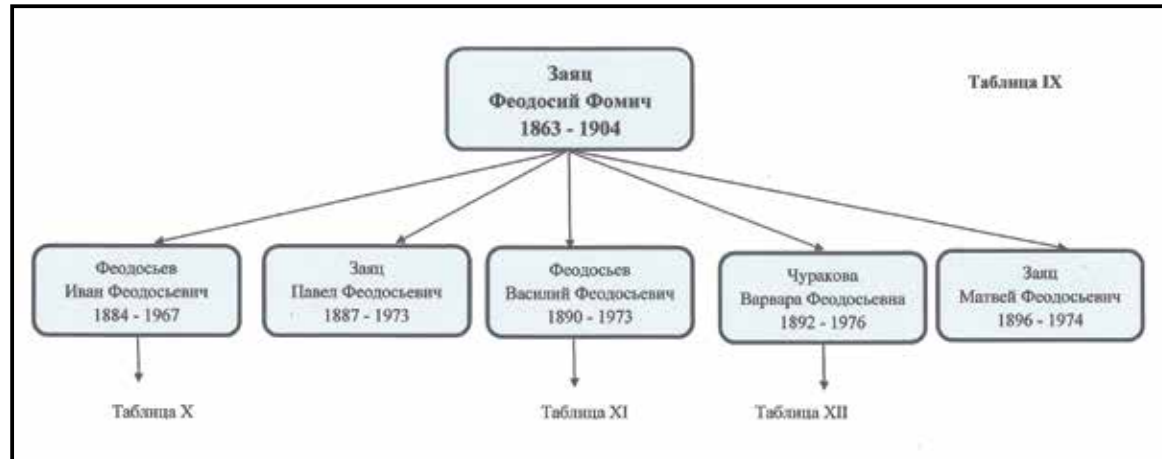
Василий Терентьевич Заяц в польской военной форме. Ок. 1930 г.

Гаврила, потому всех членов семьи кликали Гаврилюками. Потом помещик переселил их в то место, где до них жил мужик по кличке Заяц, то и их стали называть Зайцами. А после отмены крепостного права все они по документам получили фамилию Заяц. Так что вековой истории эта фамилия не содержала, и дед расстался с ней без сожаления.

Моего пра-прадеда звали Фома Гаврилович. Родился он предположительно в 1840-43 гг. У него было 5 сыновей. Старший – Феодосий, потом – Терентий, далее – Петр, Никита и Михаил. Никита и Михаил умерли рано, по-видимому, от туберкулеза. Вначале умер Михаил, а затем и Никита. О нем воспоминаний никаких в семье не осталось. Повидимому, это был очень способный молодой человек. Он единственный из пяти братьев и чуть ли не единственный в деревне закончил в Огородниках начальную школу и имел об этом официальное свидетельство. Значения этому свидетельству не придавали, а оно, однако, давало право на сокращенный срок службы в армии.

Феодосий, Терентий и Петр долго жили одним хозяйством, жили сравнительно неплохо, Феодосий даже начал ставить мельницу. Братья выросли; у Феодосия, который рано женился, появились дети, было их пять, кроме умерших в раннем возрасте троих. Здоровье его пошатнулось (у него была сердечная астма), и позже, с женьбой Терентия и по иници-

Феодосий Заяц и его потомки

Дом в Проходах. 1913 год.

ативе его жены, начались попреки в том, что братья работают на чужую семью. Доходило до ссор и даже до драки. Однако же, братья сумели мирно разойтись; Терентий с Петром взяли две трети всего и ушли, а Феодосию досталась мельница и долги по хозяйству. Петр был холост, а Терентий построил себе хату, и так зажили на две семьи.

Дом, где родился дед и жила вся семья, есть на старой фотографии, а также и на открытке, сделанной с фотографии Степана Харламповича, о котором я рассказывала в предыдущей части.

Феодосий умер рано, ему было всего 41 год, а его вдова, Мария Андреевна Заяц, прожила долгую жизнь. Она родилась примерно в 1863 году (лет своих она точно не знала), и скончалась в 1943 году, в Москве.

После революции 1917 года Брест и прилежащие районы отошли к Польше; там до 1939 года, из родственников оставались Терентий Фомич и один из сыновей Феодосия, Павел с семьями.

У Терентия Фомича было трое детей – Ефросинья, Иван и Василий. В то время, как мой отец писал воспоминания, Ефросинья была еще жива, но жила в Польше. Иван умер скоропостижно в 1954 году от кровоизлияния в мозг, а Василий выехал еще из Польши в Америку, и там его следы потерялись. Мы здесь пытались найти какие-нибудь сведения о нем, но пока безуспешно.

Открытка, сделанная по верхней фотографии. Слева внизу написано: Фот. С.Х. - что означает: фотография Степана Харламповича.

Иван Феодосьевич Феодосьев

Первенец в семье, любовно воспитанный как родителями, так и дядьями, которых у него было много, он пользовался значительной свободой. Он первый, желанный в семье, сызмала был и одет, и обут, как позволяли обстоятельства. Пытливый, способный, он из школы приносил всегда похвалы и у всех старших вызывал к себе не ослабевающую симпатию. Иван хорошо учился, закончил школу грамоты в Проходах; потом он учился в Войской, куда так рвался Василий, некоторое время работал учителем в Проходах. Ему староста приносил его заработок, который собирался с общества – его 12 рублей.

Родителям казалось, что вот еще год – другой, и будет из Ивана помощник. Но не так думал Иван; он возненавидел крестьянскую жизнь и мечтал из нее вырваться. Он начал готовиться к бегству; все делалось тайком, посвящен был только Василий. Когда у Ивана накопилось 5 рублей, он решил, что уже пора. Иван сказал, что поедет в Киев, однако до Киева он не доехал, а застрял в Пинске у какого-то сапожника. Он был для него мальчиком на побегушках, а также нянькой для маленького ребенка. Вот оттуда у него и навыки сапожника, которые позже ему помогли в жизни, особенно во время Второй мировой войны.

Много у него было приключений во время своего бегства, он даже попал в тюрьму, и когда эту весть принес кто-то из соседей, родители были в отчаянии. Как оказалось

*Иван Феодосьевич Феодосьев
Сентябрь 1914 г.*

позже, тот самый сапожник был одним из руководителем воровской шайки, крали они в основном сапожный товар. Далее, хозяин Ивана обокрал своего сообщника. Для отвода глаз он решил подстроить дело так, будто Иван его обокрал. С этой целью он напоил Ивана, пьяного погрузил в вагон Брестского поезда с 20 парами сапожных заготовок и отправил в Брест. Подъезжая к Бресту, Иван проспался, обнаружил возле себя сапожные заготовки, сообразил, что с ним сделали нечто неладное и в Бресте заявил жандарму. Когда его доставили на пересыльный пункт, поступила из Пинска телеграмма о его задержании. Таким образом его добровольная явка в полицию на какое-

то время предупредила распоряжение об его задержании. Позже был суд, на котором Иван выступал в качестве свидетеля, а после суда Ивана, как беспризорного, отправили домой.

Отец и мать были счастливы, что их любимец, наконец, вернулся домой. Но тут Иван потребовал, чтобы его отдали учиться, угрожая новым бегством. Задача для отца была нелегкой; но, посоветовавшись с кумом Данилкой, отдали его в деревню Кругель к учителю Бадичу. Главную роль в этом сыграло то, что Ивана все считали очень способным мальчиком, и неграмотным родителям это льстило, а надежда вывести сына в учителя было очень заманчива. Но – надо было заплатить за три месяца учителю 15 рублей. Это были очень большие деньги. Так или иначе, деньги заплатили, Иван занимался с учителем, а потом поступил в Тростянецкую церковно-учительскую школу, которая выпускала учителей со званием учителя церковно-приходской школы и с месячным окладом в 20 рублей. Через три года Иван школу закончил и получил назначение в деревню Спудвилы. Хотя жалованье дали не 20, а 15 рублей, это было хорошо, и в первый же месяц Иван прислал отцу 5 рублей.

Уезжая к месту назначения, Иван забирает с собой и Василия, чтобы помочь ему с подготовкой в школу в Свислочи – такой был план. Им, однако, вскоре пришлось вернуться в связи со смертью отца, после чего Иван опять уехал. Он собирался позже сдать экзамен на аттестат зрелости. Однако его – без его просьбы – переводят неожиданно из Спудвил в Сухую Долину. Об этом постарался священник, отец Анны Константиновны, который опасался, как бы не завелись с ней у Ивана шуры-муры.

Да, вот так родители занимались в то время будущим своих детей, оберегая их от нежеланных поклонников. Анну Константиновну Милятицкую (это по мужу)

*Вверху: Вера Ивановна Белокалло
4 мая 1906 года.*

*Внизу: оборотная сторона этой
фотографии с дарственной
надписью Ивану.*

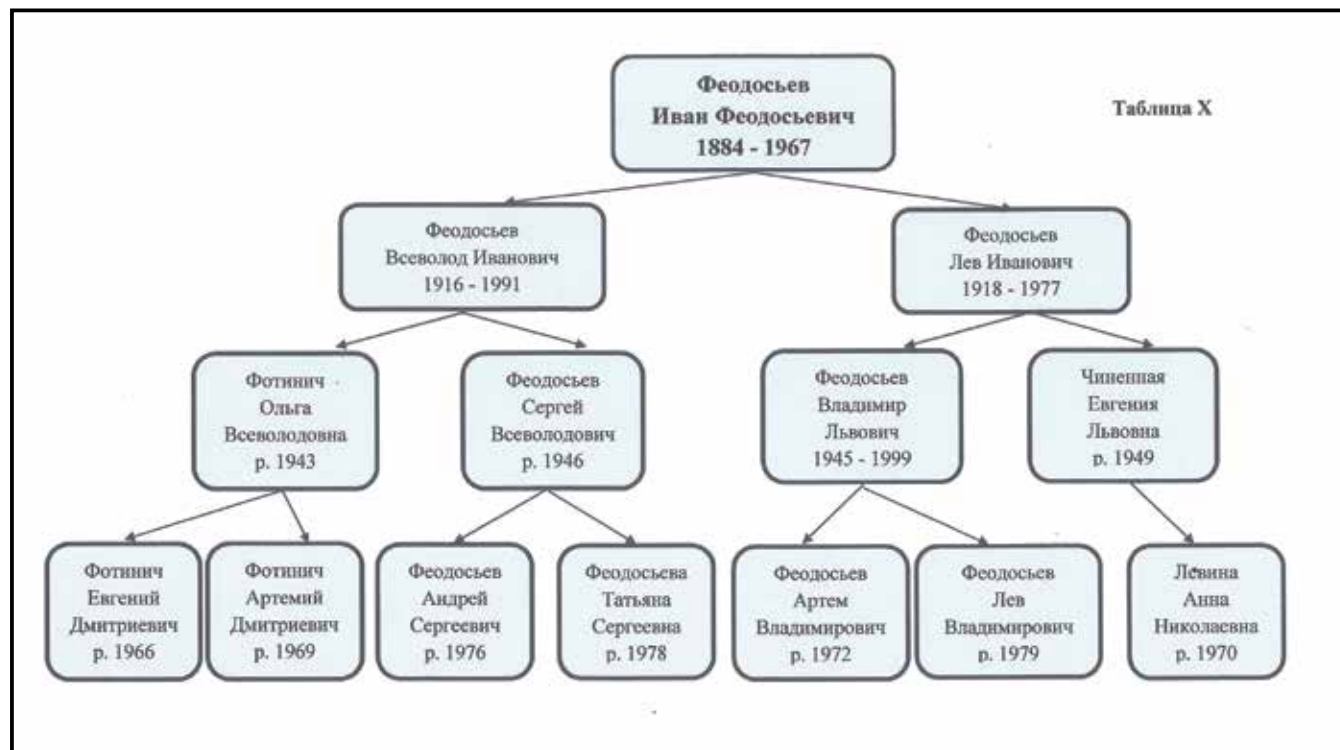
я знала в своем детстве, она с мужем Аркадием Семеновичем снимала верхний этаж в доме моего деда Ивана в Лосинке.

Иван был назначен учителем в село Рогачи – не знаю, тогда ли он познакомился с семейством Харламповичей, или ранее. Он лелеял мечту когда-то бросить школу и поступить в университет. Году в 1906 или 1907 Иван женился – на приемной дочери того самого священника, отца Анны Константиновны, Vere Ивановне Белокалло. Брак длился недолго – молодая женщина через 3 года умерла от туберкулеза.

В 1911 году Иван ушел из школы; Василия, который к тому времени уже закончил школу в Свислочи, назначили на его место, а сам Иван уехал в Петербург и поступил

на курсы, которые готовили экстерном к экзаменам на аттестат зрелости. Задачу он себе поставил почти что неосуществимую. Подготовка у него была не особо хороша, особенные трудности были с языками (их было три – немецкий, французский и латынь), а также и с математикой. Темне менее он не сдавался. Продолжал упорно работать, а по математике, помимо курсов, взял еще репетитора с почасовой оплатой.

И ему это удалось! В 1912 году Иван заканчивает учебу на курсах и выдерживает экзамен на аттестат зрелости. 8 лет упорнейшего тяжелого труда! Это сейчас, когда почти что каждый заканчивает десятилетку, это не считается чем-то особенным, а тогда это было оченьбольшоедостижение. Экстерномучиться

*Вверху: Евгения Васильевна Феодосьева;
6 сентября 1909 г.*

*Эти две фотографии - Веры и Евгении
- увеличенные, всегда висели дома у
Феодосьевых*

гораздо труднее, чем постепенно набирать знания, и к тому же, начальное образование Ивана было, наверное, недостаточно хорошим, так что А в то время на всю Брестскую область был только один учитель, который выдержал экстерном экзамен на аттестат зрелости!

Иван был не только гордостью семьи, но был знаменит и далеко за ее пределами. Да, с аттестатом он поступит без экзаменов в университет, и будет иметь законченное высшее образование и хорошую зарплату. Вот, на какие средства ему удастся учиться, на тот момент никто не беспокоился. Как-то все да уладится.

В это время Иван ухаживал за Женей. Мать Жени весьма неблагосклонно относилась к этим ухаживаньям. Вот если бы Иван готовился на священника, тогда другое дело. Тогда Иван был бы желанным женихом. Она переменила свое мнение лишь после того, как ей втолковали, что быть инспектором народных училищ, к чему Иван стремился, не хуже, чем быть священником.

Да, Иван действительно женился на Жене – в 1914 году; и она помогла ему закончить университет. Об этом я узнала вот совсем недавно, от мамы, оказалось, что Женя ему помогала даже еще когда они не были женаты. Она сама работала учительницей в школе, и выделяла кое-что для него из своего заработка.

Я попытаюсь из всех источников вычленить временную шкалу; и вот что у меня получается.

1915 год, идет война; слухи идут, что немцы близко, и надо бежать. Василий получил разрешение на 4-х человек, им удалось сесть в поезд, что было очень трудно. Сам же Василий остался в Бресте, рассчитывая, что ему там можно будет устроиться. И вот тут же появился Иван, без денег и без работы. Он последнее время работал табельщиком в Брестской крепости, но когда отказался подписывать липовые табели, его выгнали, даже не заплатив денег.

Василий поделился с ним тем, что у него было, и Иван немедленно – и это было 3 августа 1915 года – уехал в Москву. Там он устроился завхозом на санитарном поезде, где и проработал почти до конца войны.

*Евгения и Иван после свадьбы
6 июля 1914 года.*

Через месяц начнется война...

От этого времени у нас сохранилась серебряная рюмка, подаренная ему его товарищами по службе на этом поезде. Там есть надпись: Дяде Ване от А.Г., Е.К., Н.К. 19 IV 1916. Наверное, он тогда увольнялся с поезда; где была Женя – непонятно, но, наверное, в Калуге, поскольку именно в Калуге, 5 мая 1916 года родился мой отец, Всеволод. А дата на рюмке должна быть по старому стилю, т.е. по-новому (по которому и день рождения Всеволода всегда считался), уже было начало мая.

Позже семья Ивана оказалась в Борисове (никаких воспоминаний об этом нет), там родился брат Всеволода, Лев, - стало быть, это был 1918 год. Далее до 1922 года жили в Белоруссии, в Озаричах, где Иван работал в школе и занимался сельским хозяйством, чтоб прокормиться. И вот тут-то Иван решил переехать в Москву. В Москве уже жили и мать, и сестра Варя, и Матвей. Как

Карта северной части Подмосковья. В этих краях скитались Феодосьевы по деревням в поисках работы

Рюмка, подаренная Ивану. Апрель, 1916 год.

Всеволод Феодосьев. Борисов, 1917 год. На обороте надпись: “Дорогой бабушке от внука Вовы”

они туда переехали – Бог весть! По запискам Василия известно, что, когда Василий остался в Бресте, они поехали дальше, до Витебска, что по его словам было ошибкой. Позже они были в Гомеле, а потом, наконец, оказались в Москве. Вот и мой папа, Всеволод, помнит квартиру тети Вари на Трифоновской.

...А далее были долгие мытарства по разным деревням подмосковья. Пытались найти место учителя, но было это невозможно. Но тут начался НЭП, и Иван с Матвеем организовали сельскохозяйственную «артель». Иван с семьей жили в Федоскино, а Василий с Матвеем – в Москве, и летом

На участке в Лосиноостровской. Евгения Васильевна кормит кур. Одна из сосен дождала до наших дней; мы, дети, любили вырезать лодочки из ее коры.

они приезжали во время полевых работ.

Иван с Женей занялись хозяйством. Завели корову, лошадь, свиней, кур, гусей. Иван решил строить дом – он получил большой участок в Лосиноостровской. Была использована старая барская кухня, сруб перевозили на санях в Лосиноостровскую.

Полагаю, что с концом НЭПа с артелью было покончено; оставалась учительская работа – в разных деревнях и поселках, в разных школах. У меня на слуху такие названия: Черная, Раево, Медведково... Это все деревни окрест Москвы. Вотяскопировала старую карту подмосковья, там они все есть.

В итоге Иван стал работать в Москве, в Сокольниках, учителем литературы, эту же школу и закончил мой папа, и вся семья жила в доме в Лосинке. И в этой школе он проработал долгие годы, до пенсии.

Василий Феодосьевич Феодосьев

Василий оставил свои воспоминания, и вот базируясь на них, я сделала некоторые выборки именно о нем.

Он был третьим ребенком в семье; старшие – Иван и Павел были на 6 и 3 года старше него, и казались ему невероятно учеными, поскольку ходили в школу. Младше него были Варвара и Матвей – соответственно на 2 года и на 6 лет. Были и еще дети, но они умерли маленькими.

Старшие братья казались ему невероятно учеными; ведь они уже ходили в школу, да и как-то выходили за пределы деревни, так что знали больше и об обыденной жизни. Детей тогда очень рано приспособливали к работе по хозяйству; вот Иван и Павел уже были пастушонками, а Василию дела никак уже не находилось; если бы была девочка, ей бы больше дела нашлось по дому. Так что ему ни работы, ни внимания, не было.

Пришлось однажды и ему быть нянькой для двух детей 1-го и 2-х лет. А самому – блет! Это

*Женщины деревни Проходы.
2 июля 1913 года.*

было у тетки Агафьи, и, поскольку в том доме, кроме родителей, никого больше не было, то и такая помощь была очень ценной. Работал он бесплатно – только за еду, но и это было подспорьем для семьи. Тетка и ее муж очень ценили помощь Василия, даже давали ему лакомые кусочки, но ему там было очень скучно, и он с радостью приходил домой по воскресеньям. Так Василий провел год, а на следующий год уже работал пастушком у той же тетки – общественного пастуха не было и каждый пас свою корову сам.

Еще когда он пас коров, все мечтал, как вернется домой и пойдет в школу. Он очень хотел учиться, но родители не могли его одеть и обуть, и потому ему оставалось только сидеть у окна и смотреть на улицу. Только после больших упрашиваний, после клятвенных заверений, что будет всегда послушным, удалось уговорить мать, и кое-как малыша одели. Одели в какое-то дранье, а на ноги сшили из сукнянки подобие шлепанцев и отпустили в школу.

Так называемая школа была в доме помещицы Прилуцкой, занимались дети в домовой кухне, где стояла громадная русская печь. Это была самая начальная школа, «школа грамоты», для которой в разные годы снимали комнату в чьем-либо доме за сажень дров.

Учителем нанимали обычно мальчугана 12 лет, окончившего сельскую начальную школу. Плата 12р. за зиму на своих харчах. Какое-то время там работал учителем и Иван, пройдя несколько классов в школе в соседней деревне.

Василий страстно хотел научиться читать. Однако он, несомненно, был очень способным ребенком, и каким-то образом, интуитивно, стал читать сразу не буквы, а слоги, и очень быстро продвинулся в чтении. Ведь собственные родители были неграмотные; отец и ходил в школу три зимы, однако читать так и

*Василий и Матвей возле школы в Рогачах.
Фотография сделана в тот же день, что и следующая, и на том же месте. 23 июля 1913 года. Еще год мирной жизни...*

не научился, а из букв помнил только одну – Г – она ему напоминала топор. Научившись читать, он читал все, что попадало в руки. Дома он читал вслух – даже спустя 70 лет он помнил сказку "Лисица и тетерев" наизусть.

За его хорошее чтение его часто

**Ученики Рогаческой школы.
23 июля 1913 года. Обратите
внимание - все мальчишки босые.**

приглашали читать псалтырь над покойниками; и он пользовался большим почетом.

Однако надо было учиться дальше, но беспросветная бедность семьи не давала возможности одеть еще третьего ребенка, чтобы он ходил в школу (Иван и Павел все-таки ходили). Кроме того, еще не было у родителей никакой заинтересованности учить детей – считалось, что «грамотой сыт не будешь» и «грамотакуска хлеб не даст». И так Василий еще слонялся в Проходах два года, тупея от безделья.

Но все же он не выдержал, и решил во что бы то ни стало ходить в школу – а до нее было 4 километра, до деревни Войская. Босиком, еле одетый. Так ходил до зимы, когда возвращался по щиколотку в снегу. И заболел, да так сильно, что ожидали, что вот-вот умрет. Об этом говорили прямо при нем,

также обсуждали похороны, и вот позже он дивился, что для школы одеть его было не во что, но для похорон все было готово. Одежда лежала рядом и радовала глаз Василия.

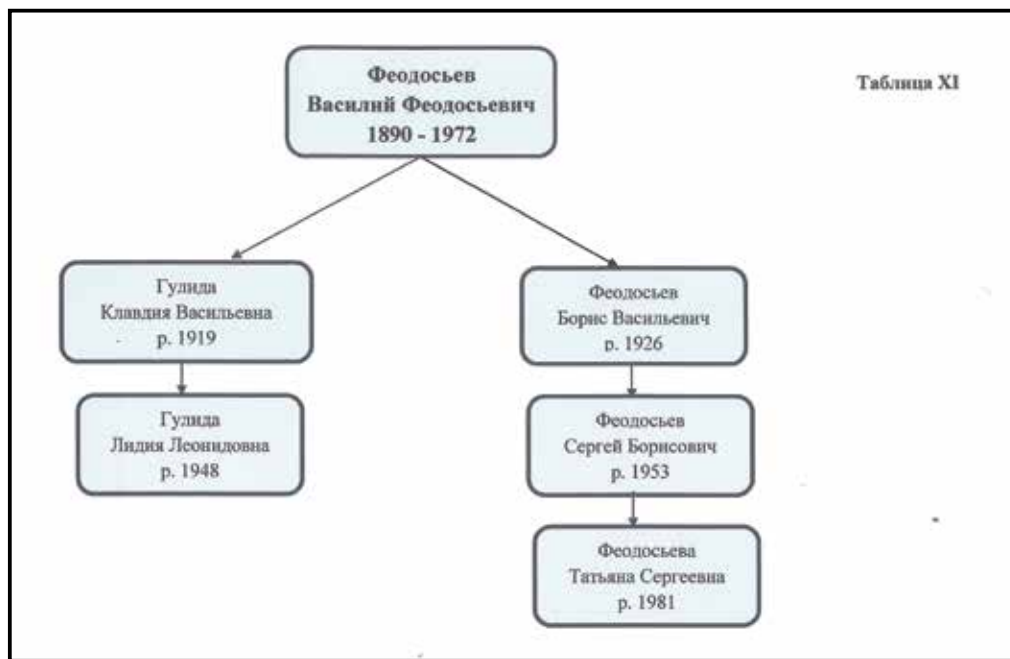
Однако несмотря на все ожидания, он неожиданно стал поправляться. Вот как это было:

Раннее утро зимнего ясного дня второй половины или даже конца января, того самого дня, на вечер которого бабы окончательно назначили мою смерть. В хате еле заметным огоньком светит коптилочка. Мать возится возле печи. Я лежу за печкой в постели. Настроение умиротворенное. Ничего не болит. Чувствуется лишь очень большая слабость. Глазами наблюдаю за действиями матери у печки. Перевожу их с предмета на предмет, и, наконец, они останавливаются на венках луку, висевших на голландской печке. И мне захотелось луку. Захотелось так, что я

ощутил его вкус, еще не прикоснувшись к нему. Я позвал мать и попросил луку. Несколько дней я ничего не ел. От любого деликатеса – яблоко, молоко, булка, яйцо -- меня отворачивало. Легко можете представить, какое впечатление произвела на нее моя столь необычная просьба. Она перепугалась. Вообразила, что это и есть мой конец, и побежала к пани Прилуцкой за советом. Та, не колеблясь, сказала: «Дай. Если это на смерть, так смерть и так свое возьмет, а может это на поправку».

Очевидно, ночью у меня был кризис. С тех пор я стал очень медленно, но неуклонно поправляться. Соседки навещали меня. Ахали и охали, удивляясь моей поправке, как небесному чуду...

В итоге в 1901 году Василий закончил народную школу. После этого еще две зимы

1901-1902, 1902-1903 продолжал ходить в школу, потому что по возрасту его могли допустить к экзаменам лишь в 1905 году. Иван помогал в подготовке – после Тростянецкой школы его самого назначили учителем в Спудвилы, потом – в Сухую Долину, и он взял Василия вместе с собой. Так что Василий готовился к экзаменам в Свислочскую школу, где даже можно было получить стипендию. Конкурс был огромный – на 275 соискателей было 40 мест. На первый год Василий был принят без стипендии, и он отказался, о чем потом они очень жалели. Но на следующий год ему очень повезло, и он оказался в числе принятых, и даже со стипендией.

Далее его ожидала работа в Рогачской школе, на месте Ивана, который, как я уже писала, отправился в Петербург на курсы для сдачи экзамена на аттестат зрелости. Он начал там работать в сентябре 1911 года.

Как вспоминает Василий, Рогачи являлись довольно заманчивым местом, даже для семейного учителя. Прельщало: волостной центр, близость железной дороги и почтово-телеграфной станции, здоровая дачная местность, круглый год отсутствие грязи, наконец, прекрасная квартира из двух комнат и кухни. Для любителя там была хорошая охота на зайцев и куропаток, а летом можно было корзинами собирать грибы в перелесках, которыми изобилвала вся местность. Охотой он не увлекался, а грибы собирал.

...Ну а потом – война, работа в армии, в обороне Брестской крепости; беженство, Гомель, Москва, и – наконец – Харьков, где он окончательно осел, закончил технический институт и работал долгие годы инженером-эксплуатационником. Он был женат, имел двоих детей – дочь Клавдию (которую все звали Калей) и сына Бориса.

*Василий и Матвей.
Рогачи, 23 июля 1913 года.*

*Открытка, написанная Женей в Боровск
Матвею Заяцу.*

Матвей и Варвара

Матвея и Варвару я помню очень хорошо, хотя и чисто визуально. Не помню, говорила ли я с ними когда-нибудь. Помню, что они приезжали на дни рождения к бабушке или дедушке. У бабы Жени был день рождения (или именины) 6 января, в сочельник, перед Рождеством. Когда у дедушки – не помню.

Варвара жила с самого начала 1920-х, как мы поняли из воспоминаний, в Москве. Дочь ее Лида родилась в 1918, сын Миша – в 1920. Т.е. к тому времени, как семья Ивана приехала в Москву, у нее уже было двое детей.

Как вспоминает Василий, она вышла замуж еще в Гомеле, где они оказались, заброшенные бегством. Там Василий помогал организовывать школу Татьяне Львовне Толстой, и последняя взяла Варю в учительницы. Там же, как упоминает Василий, Варя и вышла замуж.

Мужем ее был Михаил Михайлович Чураков, известный архитектор. Вот что о нем известно:

М.М.Чураков (1881 - 1939). В 1907 году окончил МУЖВЗ (Московское училище живописи, ваяния и зодчества). Архитектор. С 1913 года член Московского архитектурного общества. Под руководством академика архитектуры А.В.Щусева принимал участие в сооружении Казанского вокзала в Москве. Известны многочисленные конкурсные проекты, выполненные им как в 1912 - 1915 годах, так и в советское время. Это театр в Ярославле, здания Народного банка и Литературно-художественного кружка в Москве, школы для Московского уездного земства (совместно с архитектором Е.А.Трубниковым), общественные

На фотографии: Золотая свадьба Ивана и Жени. Слева направо: Василий, Павел, Варвара, Иван, Матвей. Москва, июль 1964 года.

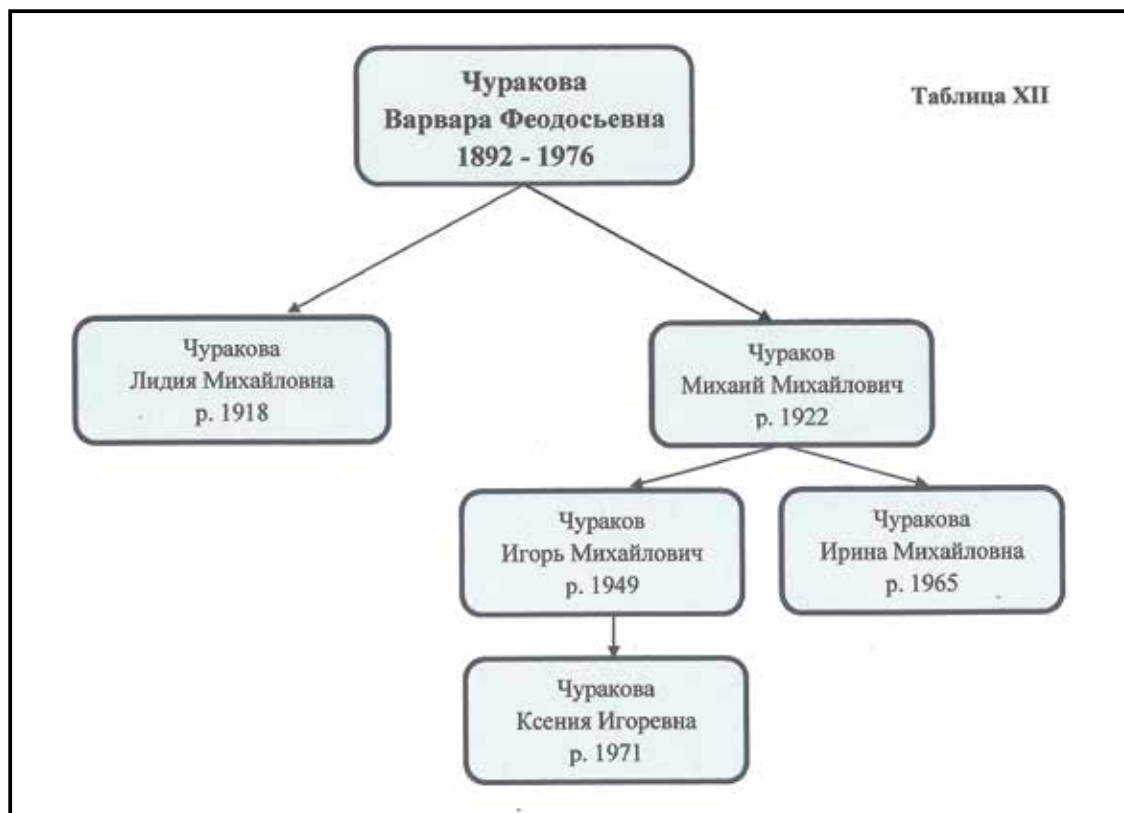

здания в Иваново-Вознесенске и Ростове-на-Дону.

Лида Чуракова тоже стала архитектором, а сын Миша – кажется, фотографом. Вот я нашла упоминание о выставке некоего Михаила Чуракова – не знаю, тот ли. По всему очень похоже, что это и есть сын Варвары. Выставка была в начале 2011 года.

Матвей Феодосьевич – дядя Мотя – был младшим братом Ивана. Высшего образования он не получил; в начале 20-х годов работал ломовым извозчиком в конном обозе, которым командовал его брат, Василий. Затем несколько лет работал в МУРе (Московском Уголовном Розыске). Там он проработал до 1937 года. Как-то ему предложили в НКВД стать осведомителем, т.е. давать сведения о действиях своего товарища, тоже шофера. Он отказался, после чего через 3 дня его арестовали, и дали 10 лет. Эти годы он провел на БАМе – ее только что начинали строить. (БАМ – Байкало-Амурская Магистраль – это железная дорога в Сибири, и в 60-70-е годы была объявлена так называемой комсомольской стройкой. Как еще позже оказалось, все «комсомольские» стройки на самом деле были начаты заключенными.

Со своей женой – Марьей Васильевной – он встретился, будучи в ссылке. Ее осудили за то, что она отпела свою мать, католичку, в католической церкви.

Лев Иванович Феодосьев

*Лев Иванович Феодосьев.
1939 год.*

Лев Иванович – дядя Лева... Мы жили вместе в одном доме долго, до 1956 года. В Лосинке. Потом мы переехали в Москву, и встречались уже не так часто.

В школе Лева учился не очень хорошо, и после 9 класса поступил с фотографический техникум, который закончил в 1939 году. После этого его направили работать в Архангельск, фотокорреспондентом в газету «Правда Севера». После начала финской войны его мобилизовали, но война закончилась так быстро, что он повоевать и не успел, и вскоре вернулся домой.

*Лев Иванович Феодосьев в
форме курсанта.
Сентябрь 1941 года.*

Как пишет папа, он «проболтался» дома до лета, а с осени поступил в институт – МИИГАиК (Московский Институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии) – где закончил первый курс, а вот тут и началась война с Германией. Его немедленно призвали в армию. Он был фотокорреспондентом какой-то фронтовой газеты. После войны, уже в 1946 году, вернулся с молодой женой, Аней и с маленьким сыном. Вообще-то она была не Аня, но Ханифя, она была из Костромы, татарка – Ханифя Хамзовна Булатова. Однако все ее звали Аней.

Сына звали Владимир, Вовик – он родился в октябре 1945 г. А в 1949 году родилась дочка Женечка. Была названа в честь бабушки Жени, и была на нее очень похожа;

*Справа:
тетя Аня с маленьким Вовиком
на участке в Лосинке, 1947 год.
Внизу:
Вовик и Женечка в вишневом
саду, 1955 год.*

кстати, и сам Лев более походил на свою маму.

Потом Лев продолжил свою учебу в МИИГАиК. Знаю, что папа помогал содержать их семью, пока Лев учился. А Аня в какое-то время пошла учиться на курсы кройки и шитья, и зарабатывала шитьем. Помню, она пекла очень вкусный пирог с маком.

Когда – не помню – но к нашему дому сделали пристройку, где было две комнаты, кухня, и маленькая комнатка, где жил дядя Миша – Михаил Васильевич Харлампович, брат бабушки Жени. Думаю, это было в самом начале 1950-х.

Позже Лева как-то удалось устраиваться на работу за границей. По-моему, самое первое его путешествие – это в Антарктиду. Там он работал гляциологом (не знаю, была ли это его

основная специальность). Возможно, папа его туда порекомендовал, поскольку ту экспедицию организовывал Александр Михайлович Гусев, папин старый приятель. Полагаю, это была экспедиция 1958-1960 года, и он вернулся, когда я еще училась в школе. Мне эта поездка запомнилась очень хорошо, поскольку на обратном пути их корабль останавливался в Аделаиде, в Австралии, и там Лева закупил всем подарков.

Маме достались духи – Елена Рубинштейн, спрей, что было для нас совершенно ново, мы таких духов еще не видели. Мне – отрез ткани на блузку, голубой нейлон, полупрозрачный, с вытканными цветами. Тетя Аня мне сшила из этого материала блузку. А еще – рюмочки с изображениями пиратов; вот они и сейчас у нас здесь стоят. Целы все до единой. Вот, прилагаю и фотографию.

Еще дядя Лева был на Кубе, и в Сирии. Всюду нужны были для каких-то работ советские специалисты.

Умер он в 1977 году, в Сирии. Играл в пинг-понг, наклонился за шариком

Лев Феодосьев; 1955-1960.

– и все... Привезли в Москву в гробу.

Сын Вовик закончил МВТУ, стал работать на фирме у Королева (или какой-то близкой к ней). Позже, в начале 1990-х каким-то образом ему удалось устроиться работать за границей (это было очень престижно во времена Советского Союза, и потом, видимо, тоже). Однако начались проблемы со здоровьем, и он скончался, так же, как и его отец, - за границей. Это было в 1999 году. Ему было всего 53 года.

Его сестра Женя, Женечка, и сейчас живет в Медведкове, в той же квартире, которую еще купил дядя Лева. Первым ее мужем был Коля Левин («Коллюха малахольный» - как называла его резкая на язык тетя Аня); его я знала, с другими мужьями мне встретиться не пришлось.

У ее дочки Ани есть сын, родился, наверное, в начале 2000-х.

*Вовик Феодосьев с собакой.
Около 1955 года.*

*Тетя Аня с Женечкой.
1951 год.*

“Пираты” из Аделаиды

Всеволод Иванович Феодосьев

В своих воспоминаниях папа написал кое-что о своем детстве. Самые ранние воспоминания – это о приезде в Москву в 1922 году, где уже жили Варвара и Матвей. Оттуда – сани, и на лошадях в Федоскино. И начались поиски места работы, да и места для жизни в ближайшем подмосковье – Федоскино, Николо-Прозоровское, Раево, Черная...

Вот что пишет папа:

Мы жили в одноэтажном стареньком доме. Сейчас его нет, и на его месте стоят многоэтажные кирпичные здания Федоскинской художественной школы. Туда можно попасть по Дмитровскому шоссе. В Шолохове надо свернуть направо, переехать в конце Федоскино через Учу, и вот справа на пригорке и стоят здания художественной школы. Слева - бывший помещичий дом Лукутина. В нём в то время была начальная школа, куда я ходил месяц два во второй класс. Моей первой учительницей была тётка ныне прославленного балетмейстера Игоря Моисеева, который летом в те годы приезжал туда отдыхать. В 1978 г. дом ещё был цел.

Отец с матерью занялись хозяйством. Была корова, лошадь, свиньи, куры, гуси. Мы были сыты. Отец начал строить дом. Он получил большой участок с сосновым лесом в Лосиноостровской. Строительный лес

Всеволод с родителями - Иваном Феодосьевичем и Евгенией Васильевной. Лосинка, 1933 год.

привозили в Федоскино и там ставили сруб. В дело пошла приобретенная за бесценок старая барская кухня. Как и положено, сруб затем разбирался, брёвна нумеровались, и зимой их на санях вывозили в Лосиноостровскую.

В 1923 г. отец получил место заведующего школой семилеткой, которая открывалась в четырёх километрах от нас в поместье Николо-Прозоровское. Сейчас в этом доме филиал Марфинского дома отдыха. В шко-

ле была жилая комната, и я часто с отцом в ней жил. Помню январь 1924 г., когда при свете керосиновой лампы (электричества не было) прочитал извещение о смерти Ленина.

К лету 1925 г. отец ликвидировал хозяйство в Федоскине, и мы всей семьёй жили в Николо-Прозоровском. В октябре со всем скарбом выехали в д. Чёрная, где отец и мать получили работу учителей в начальной школе.

Школа стояла в ста метрах от линии железной дороги Москва - Савёлово. На втором этаже школы были наши полторы комнаты, а внизу - классы. Дом стоял на Дмитровском шоссе. Сейчас оно отведено в сторону, а старое шоссе, проходившее через Чёрную, залито водами канала.

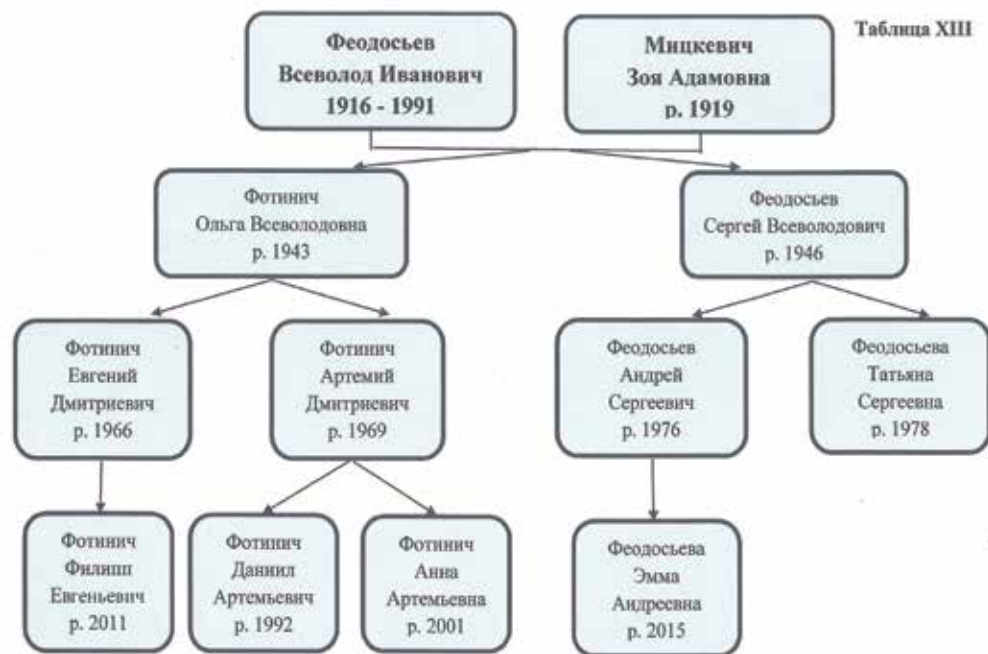
Четыре километра от Катуара, четыре - от Икши. Когда отец бывал в Москве, то назад ехал поездом до Икши, а чтобы не нести на себе оттуда покупки, сбрасывал нам их на ходу. Тогда электричек ещё не было, и паровой поезд шёл медленно. В 1926 г. построили платформу Трудовая, и на поезд стало ходить совсем близко.

В 1978 г. я побывал в Чёрной. Дом был полуразрушен и скоро вовсе исчезнет с лица Земли.

К 1926 г. дом в Лосиноостровской был закончен. Но для родителей там работы не находилось, и дом сдавался жильцам.

Наконец, в 1927 г. отец получил место преподавателя русского языка и литературы в Медведковской ШКМ (Школа Крестьянской Молодёжи). Я поступил туда в пятый класс. Мы жили вдвоём. Отец снимал комнату в д. Медведково. Хозяином был известный в то время лыжник Борис Дементьев, точнее - его мать.

Мы вставали в зимнее тёмное утро. Часов семь нам стучал в заморозенное окно разносчик

Всеволод Иванович Феодосьев.
Москва, начало 1960-х.

Всеволод с дочкой Олей. Лосинка, 1945.

булок. Он подавал нам в форточку две-три горячие булки, принесенные из Лосиноостровской. Отец отдавал ему 10-15 копеек. Когда я дежурил, то шёл с утра на школьный скотный двор с другими ребятами кормить коров и убирать навоз. Нестерпимо хотелось спать. Потом начинались уроки.

Мать с Лёвой оставались в Чёрной. Почти каждую субботу я шёл пешком в Бескудниково, садился на поезд и ехал до Трудовой к маме.

Но вот и мама получила место рядом в начальной школе д. Раёво. Школа была на том месте, где сейчас проходит проезд Шокальского. Кругом поля, а между Медведковым и Раёво - сосновый лес. Мы снова все вместе живём в двух комнатах на втором этаже кирпичной старой школы, а я хожу опять же в пятый класс, но уже не Медведковской, а Лосиноостровской школы. Там - другая программа.

У меня тоже очень мало воспоминаний из папиных детства и юности. Помню только, что когда ездили на машине по окрестностям, он показывал места, где они жили. Перед глазами стоит смутная картинка весеннего дня, голые ветки деревьев, изгиб шоссе, и — дом...

*Вверху и на следующей странице:
 Постеры, сделанные в честь 100-летия со дня рождения
 Всеволода Ивановича Феодосьева, Май 2016 года.
 Используются фотографии и архивные документы разных лет
 жизни.*

Стенд в Машиностроительном факультете МГТУ, рядом с кафедрой М1, которой Всеволод Иванович руководил много лет.

Когда они осели, наконец, в Лосиноостровской, и дедушка Иван Феодосьевич стал учителем литературы в школе в Сокольниках (это район Москвы), то и Всеволод стал учиться в этой школе. По-моему, он пошел в 8-й класс. В те годы не так-то было просто попасть на учебу в школе — целые категории людей были лишены возможности получать образование. Не помню, сколь долго это было; но вот именно в то время, когда учился Всеволод, была такая ситуация. Было много школ-семилеток, а десятилеток — гораздо меньше. И вот эта школа в Сокольниках как раз и была десятилеткой (или в то время ей стала). Не принимали учиться детей священнослужителей, детей дворян (если таковые еще оставались), детей купцов и т.п. — словом, выходцев из так называемых «эксплуататорских классов». По счастью, принимали детей учителей, вот поэтому Всеволод и стал учиться в этой школе.

По рассказам помню, что он вначале сильно отставал по математике, и с ним занималась учительница из этой же школы — Тамара Алексеевна. Она выяснила, что причина отставания — в том, что он пропустил какие-то начальные основополагающие вещи. Когда она с ним их прошла, то все проблемы были сняты, и Всеволод очень скоро стал одним из лучших учеников. После школы он хотел поступать в Университет, но ему посоветовали МВТУ, бывшее «императорское училище». Там он тоже был в числе лучших студентов. Я

помню выпуск газеты “Бауманец” (это газета МВТУ имени Баумана), где на первой странице были фотографии лучших студентов – три фотографии: Вадим Бидерман, Всеволод Феодосьев и Илья Биргер. С ними обоими дружба продолжалась до конца дней.

Здесь началась его блистательная научная карьера. Он защитил диплом за четыре дня до начала войны; работа была принята как кандидатская диссертация. Как выдающийся научный работник, Всеволод имел броню от призыва в армию. В 1945 он защитил докторскую диссертацию. В начале 1950-х – заведующий кафедрой М1 (Динамика и прочность ракет), созданной им же на основе кафедры «Баллистические ракеты дальнего действия».

Он много и плодотворно работал совместно с С.В.Королевым, который привлек его к консультативной деятельности в Особом Конструкторском бюро по вопросам прочности и устойчивости и динамики ракет. Тогда они стыдливо именовались «летательными аппаратами», что отражено и в моем дипломе. К слову, мне так и не удалось провести сравнение моего диплома с американскими, поскольку МВТУ мне никак не выдавал справку о часах обучения по разным предметам, а также и действительные названия моих курсов.

Засвою жизнь Всеволод Феодосьев был неоднократно награжден; был лауреатом Ленинской премии (это самая высокая премия в СССР); его учебник по Сопротивлению материалов получил Государственную премию; был награжден и званием «Герой Социалистического Труда». Учебник «Сопротивление материалов» был действительно блистательным; выдержал множество изданий, и – мало того! – совсем недавно, лет 5-6 назад – снова получил Государственную премию, теперь уже России.

Папино столетие отмечалось в МВТУ очень торжественно; были сделаны подборки фотографий и документов в виде плакатов; была проведена и конференция, приуроченная к этому событию. К сожалению, ни меня, ни брата Сережу, на эти мероприятия не пригласили. Временной «холодной войны» накрыло и нас своей тенью.

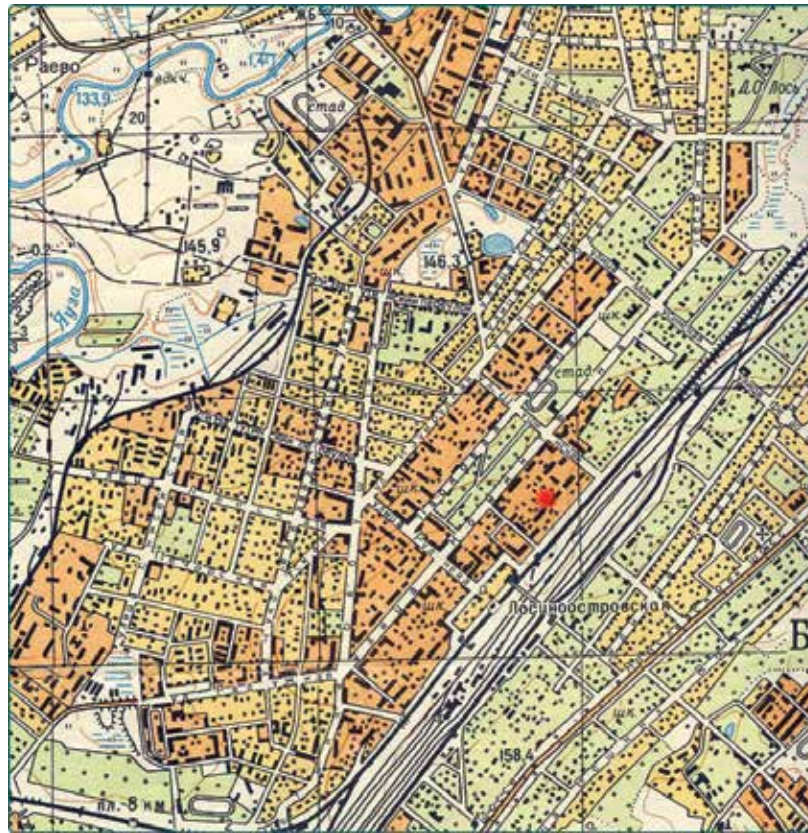
Моя Лосинка

Итак, дед Иван Феодосьевич построил дом, как пишет мой отец – в 1926 году, хотя туда не переезжали, поскольку в Лосинке не было работы. Как говорили, это была помещичья кухня, которую перевезли и собрали.

А что такое «Лосинка»? Надо сейчас рассказать, чтобы все прояснить. Это был поселок «Лосиноостровский», который в 1925 году получил статус города. А в 1939 году город назвали Бабушкиным в честь полярного летчика Бабушкина, родившегося и выросшего в этих местах. Станция так и продолжала называться Лосиноостровская, попросту – «Лосинка». Пятая станция по железной дороге от Ярославского вокзала. То есть: Москва, Москва-3-я, Маленковская, Яуза, Северянин, Лосиноостровская.

В 1960-м году город Бабушкин вошел в состав Москвы. В этом городе и в этом доме прошло мое детство.

Дом был с мезонином, т.е. бревенчатый, с верхней дощатой частью, с террасой и с балконом на втором этаже. Какой же был участок? В детстве казался – огромный, и вот не знаю, каким бы я видела его сейчас. А до того он был еще больше, раза в два – папа писал, что он был 100 на 50 метров. Стоял на углу Троицкого проезда и переулка между Троицким проездом и улицей Коминтерна. Папа рассказывал, что как-то однажды приехали грузовики, и стали сгружать лес на часть участка со стороны Троицкого проезда. Так и отобрали участок, и построили там дом для работников Никотинового завода. Так и называли мы этот дом - «никотиновый». Двухэтажный

*Платформа Лосиноостровская
2007 год.*

*Карта города Бабушкина, 1978 г.
Звездочкой помечено бывшее
примерное расположение дома
Феодосьевых*

*В Лосинке около террасы.
Слева направо: Евгения Васильевна, Иван
Феодосьевич, Мария Андреевна Заяц и
Мария Васильевна, сестра Евгении. Сзади
выглядывает сын Лева.
1932 год.*

Оля Феодосьева, ок. 1948 года.

бревенчатый дом, с обоих торцов помню террасы (по-моему, на обоих этажах). Мама не помнит никого из этого дома, я же была там несколько раз – какие-то у меня были там приятели.

Итак, наш дом стал вторым от угла домом в переулке. Дом 31А. У бабушки был прекрасный сад. Множество сирени – она росла вдоль забора с вот как раз этим никотиновым домом, еще была персидская, большой куст около террасы, такая густо-сиреневая, с пышными цветками, а с другой стороны крыльца – японская сирень. Я ее не особо любила, однако хорошо было, что она расцветала позже, когда другая сирень уже отцветала, так что она продлевала эту прекрасную пору цветения сирени.

Еще росли вместе куст сирени (белой) и черемуха. Под ними днем всегда была тень, и мы – дети – частенько там сидели на какой-то меховой подстилке (ее называли «шкура»), и играли.

Был большой куст гортензии, и эти цветы

*Евгения Васильевна и Иван Феодосьевич с внуками.
Слева направо: Вовик, Оля, Женечка и Сережа.
ок. 1950 г.*

клали на зиму для красоты между рамами, когда вставляли вторые, зимние. Несколько кустов жасмина, два из них, самые старые и большие, где-то году в 1954-55 выкорчевали, и заменили на яблони, а до этого яблонь у нас не было почему-то.

А в углу был – старый колодец. Там воды давно уже не было, и он весь зарос густыми кустами ежевики. Туда нам ходить не разрешали, да впрочем, там и делать было нечего – наверное, опасались, что туда все же можно провалиться.

Бабушка много читала, раскладывала пасьянсы и вышивала. Говорили, что она была неаккуратная, и в доме у нее было грязно. Но я этого не замечала, конечно. Книги она брала в библиотеке; туда я часто с ней ходила – на улицу Коминтерна, в здание горсовета. Там была и небольшая библиотека. Еще бабушка курила –

папиросы «Прибой». Тогда вообще, по-моему, было всего два вида папирос – «Беломор» и «Прибой». (Ну, естественно, как известно, «Герцеговина Флор» - как бы любимые папиросы Сталина, но это как бы не в счет). Кто-то еще в доме курил Беломор, но по-моему, не дедушка Иван. Может быть, дядя Лева?

Она очень хорошо вышивала и вязала. У нас и сейчас есть две скатерти, вышитые ею, и несколько связанных салфеточек. Истинно художественные работы! Еще есть покрывала на кровать, тоже она делала.

Вцветнике–быломорцветов–нарциссы, пионы, лилии тигровые, турецкая гвоздика, флоксы, георгины, и – особенно бабушкина любовь–гладиолусы. Помню, как высывались первые ростки нарциссов и пионов из земли;

Детские игры. Начало 1950-х.

пионы были красные, как свекла. Клубни зимовали, а наземная часть вырастала каждый год. А нарциссы – были первые весенние цветы в саду.

Помню луковицы гладиолусов у бабушки в доме; их надо было выкапывать на зиму. Еще было – ах! – разбитое сердце. Я думаю, что многих цветов не помню, но я показываю мою фотографию, когда я иду в школу 1 сентября, и у меня огромный букет, и там вот и есть все эти цветы из нашего сада.

Террасу увивал дикий виноград, который облетал на зиму, а потом по весне снова покрывался листьями, которые к осени обвивали террасу цветным покрывалом.

На террасе стояла плетеная мебель, она появилась наверное, в начале 50-х, после ремонта.

Был вишневый сад, он заменил собой старый малинник. Малинник помню – как-то я бродя там, совсем маленькая, занозила себе все ноги иголками. Вишни тоже однажды сильно разрослись, так дядя Вася, приехав с Украины, показал, как надо обрезать. Удивительно, что этого не знал дедушка. Василий удивлялся и

сердился. Из вишен варили варенье; еще сушили на зиму и с ними пили чай. А малины все же немного осталось – вдоль забора.

Нас было четверо внуков – кроме меня, брат Сережа на 3 года младше, и дети дяди Левы – Вовик и Женечка. Вовик был чуть старше Сережи, а Женечка родилась в 1949 году. Передняя часть двора не была ничем засажена, и вот это было место для детских игр. Играли в городки, в штандер, в разные другие игры. В переулке – в круговую лапту, в ножички. Были товарищи – Вовка Трубинский, Юрка Пенкин, Колька Кондратьев. Все мальчишки, девочек вокруг не было.

Еще на участке стоял небольшой домик – так называемая «избушка». Служила она вроде как сараем, однако помню дедушку там летом, сидящего перед окном и тачавшего обувь. Ведь он был в детстве учеником сапожника, и – как упоминает мой отец – в войну и выжил благодаря этому ремеслу.

Как-то он мне смастерил зимние сапожки на меху. Но – увы! – они оказались мне малы, и одела я их всего один раз. А малы – значит, холодно в них было. Мех был настоящий. Такая мода была

Детские игры. Начало 1950-х.

*Лидя Чуракова и Оля Феодосьева.
Лосинка, 1946 год.*

в ту зиму – такие высокие ботинки на шнурках или на пряжках, отороченные сверху мехом. Мне сделали без меха сверху, с отворотиками маленькими такими, видимо, маме казалось, что так более стильно или модно, а я все же огорчилась – ведь мне же надо было, чтобы было, как у всех!

В ту же зиму (зимы?) были модны и крошечные пуховые шапочки, форму они имели, как долька лимона или апельсина, они еле покрывали голову, но модницы их все равно носили в любой мороз, и называли их в народе – «менингитки». Разумеется, в магазинах их никогда купить было нельзя, их продавали на рынке, или с рук как-нибудь.

По Осташковскому шоссе ходил автобус

номер 9, «девятка». Откуда он шел? Кажется, от станции Северянин, или же – даже от ВДНХ (а тогда она называлась ВСХВ – Всесоюзная Выставка Достижений Сельского Хозяйства). А конечной остановкой был Никотиновый завод, стоящий на краю Бабушкина. А дальше – деревня Челобитьево. Да, так вот и было, похоже, написано на маршруте автобуса: ВСХВ – Челобитьево. Помню желтый снег вокруг Никотинового завода.

Этим автобусом я никогда не пользовалась, как-то ни к чему это было, всюду в Лосинке – пешком, но вот однажды, с одной своей подружкой, мы уселись в автобус и доехали как раз до самого конца, и потом –

назад. Это было – как путешествие на другую планету, что как бы не было запрещено, но и вовсе не разрешено, то есть: в школу – и домой. А это было после урока в музыкальной школе.

От Челобитьева еще через 7 километров было село Троицкое, где мы пару лет снимали дачу, (т.е. деревенский дом), на берегу водохранилища, уж не помню какого. А напротив Троицкого была деревня Чивирево, где мы тоже один год, уже много позже, тоже снимали деревенский дом. Там был прекрасный песчаный пляж, и высокий берег. Сейчас уже все, что там было позастроено новыми дачами. А неподалеку от Чивирева открыли пансионат Клязьминский – вот туда, правее, было Клязьминское

*Лидя Чуракова и Евгения Васильевна
с Вовиком и Олей Феодосьевыми.
Лосинка, 1946 год.*

***В первый класс!
1 сентября 1950 г.***

водохранилище. Но это все позже, позже, когда мы жили уже в Москве, в 60-х, а к нашей жизни в Лосинке это отношения никакого не имеет.

Дом рядом с нами, на нашей же стороне переулка – священника Попова, даже митрополита Попова. Имя его было – Тихон. Во времена моего детства он уже ослеп. Он – как говорили – и крестил меня в младенчестве. А кто уж это организовал – никто сейчас не помнит.

У него было две дочери – Валентина и Наташа. Наташа была ровесницей моих родителей, они очень дружили; а Валентина – постарше. У нее была дочь Оксана от первого брака, и сын Андрей Матусевич, мой ровесник – от ее тогдашнего брака с Матусевичем.

Я у них часто бывала на участке, и вот именно там я посмотрела впервые диафильм Муму – по Тургеневу. Никаких телевизоров

еще не было, однако были диафильмы, и мы их смотрели с помощью фильмоскопа (так назывался аппарат для просмотра фильмов). А у Андрея был фильмоскоп ручной, т.е. только один человек мог смотреть в окошко, и перекручивать пленку. Так вот, когда я дошла до кадров, когда Герасим утопил Муму, я в отчаянии громко зарыдала, бросила фильмоскоп на землю, и с криками «Мама, мама!» убежала к себе домой.

...Длинные майские вечера, прозрачный воздух, легкое тепло, запах свежей земли и дымок от сжигаемых листьев – все готовят свои огороды к лету. И в новых коричневых туфельках на кожаной подошве стараешься обойти еще не до конца просохшие весенние лужи...

***Дедушка Иван Феодосьевич провожает
внучку Олю в первый класс.
1 сентября 1950 г.***

*Дом, где жила Галя Яковенко, на Советской улице; теперь - улица Рудневой.
2007 год.*

*Средняя школа номер 4 города Бабушкина.
2007 год.*

Останкинской улице, теперь улице Королева.

Вскоре после того, как Бабушкин вошел в состав Москвы, наш старый дом снесли. Дядя Лева с семьей и дедушка с бабушкой получили квартиры в новом восьмизэтажном доме-башне. Дядя Лева - двухкомнатную, со смежными комнатами, дедушка с бабушкой - однокомнатную, напротив.

И еще долго там оставался и тот вишневый сад, и та сирень с черемухой - сиротливые и одинокие... И почти никого уже нет, кто помнит этот дом и это время...

*На крыльце террасы в Лосинке.
Внизу: Михаил Васильевич Харлампович, Анна Константиновна, Зоя Адамовна Мицкевич, Павел Васильевич Харлампович; за ними - Лариса Минична Мицкевич с Сережей на руках; далее - Всеволод Феодосьев, Оля Феодосьева, Иван Феодосьевич с Вовиком, Аня Феодосьева, Евгения Васильевна Феодосьева
1946 год.*

ее надстроили, и стали – как и сейчас – 3 этажа.

Очень близко от школы, почти напротив, дом пятиэтажный, построенный в 1951 году. Там жила моя самая близкая подруга Галя Яковенко. Отец ее, Григорий Михайлович Яковенко, был одним из замов Королева. Квартира была на первом этаже, в левом подъезде (уж не помню номера, думаю, что первый), и вот окно около входной двери – это их окно.

Позже они переехали в Москву (в 1962-63 гг), в один из тех громадных домов вблизи Останкинской башни на 3-ей

Улица Советская (теперь Жени Рудневой), на углу с Осташковским шоссе – школа номер 4 города Бабушкина. Была женской школой – лишь один первый год, когда я там училась. Со второго моего класса – стала школа смешанной. В Москве это произошло на 2-3 года позже. Школе присвоили имя Жени Рудневой все в эти же мои школьные годы, мне это ужасно нравилось – не просто школа, а школа имени... Она (школа) была вначале двухэтажная, потом

Вышивки Евгении Васильевны

*Подушка. Вышивка гладью.
1950-е.*

*Салфетки. Вязание крючком.
1950-е.*

*Покрывало на кровать. Тесьма,
мережка, вязание крючком.
1950-е.*

*Подушки. Вышивка крестом.
1950-е.*

*Покрывало на подушку. Тесьма,
мережка, вязание крючком.
1950-е.*

*Край покрывала. Тесьма, мережка,
вязание крючком. 1950-е.*

*Скатерти Евгении Васильевны.
Слева и внизу - вышивка гладью, справа -
крестом.
1950-е*

